

ГУДОК
г. Москва

8 марта 1987 г.

ВОСКРЕСНЯЯ ПАНОРАМА

Москва со служебного входа

Прыжок леопарда

Осторожно, как входят в чащу леса, я переступаю порог и сразу ощущаю острый запах зверя, неистребимый даже в условиях налаженного человеком звериного быта. Помещение тесно уставлено клетками, из которых раздаются своеобразные приветствия незнакомцу: рыканье тигров, обиженный рев медведей, залихватский лай собак, мычание яка, резкие крики полу-гав...

— Проходите, будьте как дома, — подбадривает меня Семен Стрельников, продолжая свой «разговор» с полосатым красавцем Парисом. Просунув руку между прутьями, он чешет тигра за ухом, что вызывает явную ревность тигрицы Роны, которая ходит кругами по клетке и яростно фыркает.

— Да тише вы! — приказывает Лена Стрельникова озорной четверке пуделей, единственными обитателям этого зверинца, встретившим мое появление, несомненно, дружески, но слишком уж неугомонно. Сидя на маленькой скамеечке, Лена причешивает новичка — «абрикосового» пуделя Диму, у которого сегодня премьера.

А, впрочем, здесь все — артисты. Многих я знаю уже давно, не раз видел их на сцене уголка Дурова. Но так близко, как сегодня, вижу в первый раз. Справа — клетка с тиграми, слева — владения медведей, а прямо на меня смотрят желтые глаза леопарда Мурзика. Он внимательно следит за мной, изогнувшись всем телом, прижавшись к полу — будто готовится к прыжку.

— Что это с ним?

— Охотится, — серьезно отвечает Стрельников. И, улыбаясь, добавляет: — Вероятно, ваш вид пробудил в нем охотничий инстинкт.

При этих словах Мурзик-таки совершает прыжок, с такой силой ударив лапами, что гудят железные прутья. Семен грозит пальцем леопарду, но тот, словно не замечая дрессировщика, снова укладывает в позу для прыжка.

— Ладно, — говорит Семен, — пусть успокоится. Через час ему на сцену.

Он отводит меня в сторону, и я слышу, его партнерша дает наставления юному служителю, как готовить подкормку зверям для работы на сцене.

Затем Лена уходит в соседнюю комнату — гардеробную Стрельниковых, чтобы сварить кашу для медвежонка Васи.

— Малышам варим сами. Каша должна быть вкусная и без комков, иначе есть не будут, как все нормальные дети,

— объясняет Семен. — Открою маленький секрет: прежде чем заняться дрессурой, мы с Леной работали поварами. На кухне уголка Дурова...

Я позволю себе небольшое отступление. Профессию дрессировщика невозможно приобрести, ибо такой специальности не учат даже в цирковом училище. Дрессировщиками становятся, как стали ими заслуженные артисты РСФСР Елена и Семен Стрельниковы. К этому остается добавить, что за всю 75-летнюю историю существования Театра зверей ни один из его артистов не проложил себе путь на сцену через кухню.

На этой-то кухне и встретились будущие партнеры, когда обим едва-едва стукнуло по 16. Оба пришли в уголок Дурова прямо из школы, окончив восемь классов. Сначала их определили поварами. Однако не прошло и года, как Лена и Семен освоили все звериное меню: собачьи супы, медвежьи окрошки, витаминные каши для обезьян... В перерыве между стряпней успевали еще и клетки почистить, прогулять пони, слонов и собак. А закончив, наконец, все дела, бежали на сцену.

— Мне тогда особенно нравились медведи, — рассказывает Стрельников. — Эти звери способны творить на сцене чудеса. Зритель, который возторгается тем, как медведь метет метлой, катится на бочке, кувыркается на турнике, подчас даже не подозревает, что все эти трюки — всего лишь начальная медвежья школа.

— Как вы определяете артистические способности в медвежонке? — интересуюсь я.

— Главное из всех качеств — агрессивность, — уверяет Семен. — Если она идет не от трусости, а от характера, то можно быть почти уверенным, что перед вами — талант. Агрессивный зверь более инициативен, смело идет на любые трюки, способен на импровизацию. Именно такими оказались Бурик и Вася. Нам удалось с ними несколько очень сложных трюков: оба, например, стояли на одной «руке», а Вася — так даже мостик делал. Думаю, что он мог бы вполне работать «каучук».

— Артисты Стрельниковы, готовьте пуделей! — раздается

в динамике голос ведущего. — Через десять минут начинаем спектакль.

Пять пуделей, возглавляемых черным, как смоль, солистом Романом, оглушительно лая, устремляются к выходу. Спустя несколько минут динамик взрывается аплодисментами, и это означает, что собаки ворвались на сцену. Им в ответ тоненько повизгивает Перс — старый рыжий колли. Для него, ветерана театра, артистическая карьера уже окончена. Но Перс по-прежнему незаменим — в зверинце Стрельниковых он исполняет обязанности «дядьки».

Два года назад, когда Семен и Лена задумали номер с хищниками, Театр зверей приобрел двух маленьких тигрят. Тигрят поселили у Стрельниковых в гардеробной. И вскоре от них буквально не стало житья. Пришлось водворить в клетку. Горе тигрят было так велико, что они даже слепли. И вот тогда за дело взялся «дядька» Перс. Запущенный к тигрятам, он не только поднял их на ноги, но и стал неизменным спутником в репетициях, как говорят дрессировщики, — «поводырем» на сцену.

За 17 лет работы в Уголке через руки Стрельниковых прошли десятки зверей и животных: пони, барсуки, еноты, обезьяны, медведи... Был даже тапир. «Сколько животных — столько характеров», — считают в Театре зверей. Но самым своеобразным характером, по мнению дрессировщиков, обладают все-таки хищники.

— Они, конечно, строптивы, — говорит Семен. — Но именно за это мы их и любим. Сколько их ни приручают, они все равно остаются такими, какими их задумала природа. Вот, — кивает он на Париса и Рону, — казался бы, еще совсем недавно были ласковыми котятками, но в один прекрасный день стали тиграми, и уж теперь только держись. В любую минуту жди конфликта. Впрочем, на этих конфликтах, если хотите, и строится вся работа.

В зверинец заглядывает седой человек.

— Здравствуйте. Смирнов, научный сотрудник Сихотэ-Алиньского заповедника, — представляется он. — Хотелось бы с вами посоветовать-

ся...

— Пожалуйста, — приглашает Лена гостя. — Что вас интересует?

— Вопрос-то не совсем обычный, — смущается ученый. — Наш заповедник охраняет местную фауну, и прежде всего — тигров. В результате их развелось столько, что они ходят даже возле наших домов. Ничего не боятся. Может, подскажите, чем их можно отпугивать?

— Ну это же очень просто, — смеется Лена. — Тигры терпеть не могут запаха апельсиновых корок. Вот, смотрите...

Она приносит апельсин, срывает с него кожуру и, протянув к морде Роны, сжимает кожуру так, что из нее брызжет сок. Мгновенно отпрянув, тигрица чихает, фукает и отходит подальше в угол.

— Смотри-ка, — удивляется гость. — А нам это и в голову не приходило.

— Мурзик тоже боится апельсина? — спрашиваю я, заметив, что глаза леопарда напряженно, не мигая, снова смотрят на меня.

— Нет, Мурзик все нипочем, — говорит Семен. — При всем своем сходстве леопарды сильно отличаются от тигров. Даже в работе. Тигр, например, боится прыгать на незнакомый предмет, ему прежде нужно его обнюхать. А леопард прыгает, не колеблясь. Но только туда, куда ему хочется. Вот почему нам так долго не удавалось с Мурзиком главный трюк. Сегодня вы его увидите...

В этот вечер артисты Театра зверей Елена и Семен Стрельниковы выходили еще три раза: с медведями, тиграми и, наконец, с леопардом. Почти два года готовили они Мурзика к выходу на сцену. Говорят, что известный укротитель ягуаров Никита Кочаков был поражен, увидев этот номер. Еще бы: дрессировщики работают без клетки, держа леопарда на поводке. Мурзик прыгал на тумбы и сквозь кольца, ходил на задних лапах, вальсировал. А в конце совершал затычной прыжок: с одного конца сцены на другой, с тумбы на... плечи дрессировщика. Так он и уходил со сцены — на плечи дрессировщика, победно и свирепо глядя в зал желтыми немигающими глазами.

Л. ЛЕРНЕР.